

Из положений проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» следует, что законодатель развивает принцип добросовестности путем более широкого нормативного закрепления в отдельных институтах (п. 4 ст. 167, ч. 2 п. 1 ст. 180, п. 2 ст. 401-1, п. 3 ст. 402, ст. 404-1, п. 2 ст. 420-1 ГК).

Вместе с тем в рамках исполнения договорных обязательств добросовестность все еще не получает закрепления в качестве прямой обязанности сторон.

Как отмечает С. В. Сарбаш отсутствие принципа добросовестной при исполнении обязательств не позволяет правоприменителю при рассмотрении споров дать адекватную оценку действиям в случаях недобросовестного поведения сторон при исполнении обязательств.

Представляется, что законодателю Республики Беларусь целесообразно было бы учесть воспринятый на международном уровне опыт закрепления и применения добросовестности в качестве прямо установленной обязанности сторон.

Бутакова Я. С.

РОССИЙСКИЕ КОНТРСАНКЦИИ КАК ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Бутакова Яна Сергеевна, аспирант Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, yanabutakova@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Фоновина О. В.

Термин «контрсанкции» прочно связан с термином «санкции». Контрсанкции – это мера, принимаемая одним государством против другого в ответ на применяемые по отношению к нему односторонние социально-экономические санкции. Любое государство обладает юрисдикцией применять санкции в пределах своей территории, а также налагать запреты на своих физических и юридических лиц для защиты публичных интересов. Российские контрсанкции действуют в пределах территории принявшего их государства и имеют сугубо территориальный характер, а нарушение контрсанкционного регулирования является основанием для привлечения к ответственности в рамках национального законодательства. Если же международные экономические санкции носят больше публичный характер, российские «контрсанкции» как реакция на них носят в большей степени – частноправовой характер.

Относя российские контрсанкции к институту частного права, их можно отождествить со сверхимперативными нормами (ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)) или реторсиями (ст. 1194 ГК РФ).

Можно выделить следующие признаки сверхимперативных норм характеризующих и контрсанкции:

1) *их цели* – защита публичных интересов государства. Примером являются Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79, который вводится «в связи с недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки <...> в целях защиты национальных интересов Российской Федерации» и Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127 «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», закрепляющий своей целью «защиту интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»;

2) *фундаментальная важность* нормы для защиты этих интересов оправдывает ее применение в любой ситуации, подпадающей под ее действие, *независимо от применимого права*. Здесь примером являются нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) в части возможности изменения подсудности в одностороннем порядке (ст. 248.1);

3) *особый императив нормы* – в дополнение к тому факту, что от нее нельзя отступать во «внутренних» договорах, такая норма подлежит применению даже в тех случаях, когда отношения содержат иностранный элемент и регулируются иностранным правом. Так, например, с 17 января 2023 г. введена временная процедура ограничения корпоративных прав иностранных участников в ряде российских корпораций из сфер энергетики, машиностроения и торговли (имеют право голосовать, не учитывая голоса акционеров из «недружественных» стран при принятии корпоративных решений);

4) нормы являются сверхимперативными вследствие *прямого указания на их особый характер* (или это прямо следует из особой значимости охраняемых ими отношений). Практически все акты в рамках «контрсанкционного» регулирования приняты в целях обеспечения безопасности Российской Федерации.

Российское право трактует реторсии как установленные ответные ограничения (ст. 1194 ГК РФ). Отличием реторсий от других институтов, например, репрессалий является то, что они не обязательно являются ответом на предшествующее международно-противоправное деяние. Другим отличием является то, что реторсии это в большей степени частноправовой институт. Реторсии и контрсанкции, являясь формально разными категориями, носят околосмежный характер, в частности, и те, и другие являются ответными мерами. Представляется достаточно вероятным, что российская судебная практика пойдет по пути признания российских контрсанкций – реторсиями.

Российские контрсанкции также имеют все признаки частноправового института и сверхимперативной нормы, при этом интересной представляется позиция, что современная юридическая доктрина отмечает развитие

процессов публикации и приватизации между частным и публичным правом, а любой частный интерес можно подвести под публичный интерес государства. В настоящий момент отсутствует российская судебная практика, которая относилась бы к санкциям к одной из вышерассмотренных категорий, но, на наш взгляд, рассматривать институт российских санкций необходимо именно как реторсии и сверхимперативные нормы.

Зубкова П. А., Тарлыкова А. А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

*Зубкова Полина Алексеевна, Тарлыкова Анна Андреевна, студентки 5 курса
Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия,
polinazybkova888@gmail.com,*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ермолаева Т. А.

В современное время в научной литературе нет четкого определения термина «электронная коммерция», «электронная торговля», «электронное предпринимательство». Кроме того, он не имеет дефиниции в российском законодательстве. При совершении электронных сделок в рамках международной торговли существовали определенные трудности, так как до 1996 г. данные отношения не регулировались, за исключением национального права контрагентов. Во многом стоит отметить, что специфика договорных отношений, выражающаяся в необходимости оформления по электронным сделкам электронных документов, препятствует эффективному правовому регулированию электронной торговли.

Одни из первых шагов для решения определенных проблем в сфере электронной торговли были приняты на международном уровне в 1996 г. ЮНСИТРАЛ приняла Типовой закон об электронной торговле, в котором функции электронной торговли в основном рассматриваются на основе традиционных требований, предъявляемых к форме документов и способам воспроизведения, отражения данных функций в электронном виде. В данном типовом законе давалось понятие «электронная коммерция», однако данное определение не было закреплено в законодательстве ни одного из государств.

В 2001 г. в ходе 34-й сессии ЮНСИТРАЛ был принят еще один важный закон, который во многом урегулировал вопросы трансграничной торговли, а также использование электронной подписи для осуществления электронной торговли. Типовой закон наделил электронную подпись юридической силой вне зависимости от того, где она создана или используется.

США одно из первых государств, которое на законодательном уровне положило начало регулированию электронной коммерции. Первым законодательным актом в сфере регулирования цифровой подписи стал Закон штата Юта о цифровой подписи, принятый в 1995 г. Также был создан определенный орган, который имел обязанности по регулированию электронной коммерции – Бюро цензов министерства торговли США. Таким образом, на современном этапе в данном государстве сформирована